

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей номер журнала «Шаги/Steps» состоит из трех тематических блоков.

Проблематику первого из этих блоков (рубрика «Египтология в XIX–XXI вв.») можно определить как «исследовательский опыт научной дисциплины на 200-м году ее существования». Разумеется, интерес к древнему Египту¹ возник много раньше открытия Жана-Франсуа Шампольона (о цивилизации этой страны писали еще античные авторы), однако лишь дешифровка французским ученым в 1822 г. древнеегипетской иероглифики позволила европейской науке изучать тексты, непосредственно порожденные этой цивилизацией. На протяжении двухсот лет на постановку египтологами исследовательских вопросов успели повлиять многие факторы: археологические открытия XIX в. и их оценка в контексте сведений о древности, известных издавна благодаря античной и библейской традициям; экспансия европейских держав на Ближнем Востоке, «научным дополнением» которой стало внимание к его древней истории; необходимость с определенного этапа привести данные египтологии к нормативной форме, получающей отражение в учебниках; «вписывание» египтологии в «новые времена», порожденные бурными событиями XX в.; наконец, сама логика развития египтологии как отрасли науки — с дифференциацией в ее рамках отдельных дисциплин и со стремлением с определенного этапа к ревизии тех оснований, на которых она покоилась изначально (по определенной аналогии с тенденцией гиперкритики в антиковедении).

Вошедшие в рубрику статьи по истории египтологии, с одной стороны, посвящены отдельным сюжетам в ее рамках; с другой стороны, думается, что на деятельность «героев» этих статей повлиял ряд названных факторов. Две статьи посвящены проблемам, разрабатывавшимся в мировой египтологии. В статье **А. А. Жуковой** рассматривается судьба теории «демократизации» заупокойного культа в Египте на рубеже III и II тыс. до н. э. Эта теория, выдвинутая крупнейшими египтологами начала XX в. для объяснения распространения культа Осириса (его трансляции из царского заупокойного ритуала в ритуал частных лиц на протяжении I Переходного периода), подверглась ревизии на современном этапе, каковая, однако, по мнению автора, порождает определенную непоследовательность. **Д. А. Изосимов** обратился к проблеме «коллорабационизма» представителей египетской элиты в условиях владычества персов в VI–V вв. до н. э. В употреблении этого термина очевидны коннотации Второй мировой войны: собственно, он и появился в трудах египтологов в послевоенное время, а критика такого его использования закономерно связана с вопросом о том, поддается ли этот современный термин переносу на реалии общества с существенно иным мировоззрением. Три следующие статьи посвящены сюжетам истории отечественной египтологии,

¹ Здесь и в статьях рубрики «Египтология в XIX–XXI вв.» принято написание данного обозначения с начальной строчной буквой в слове *древний*, согласно широко распространенной в отечественной научной литературе практике, обусловленной тем, что это слово не является частью собственного имени.

развитие которой, однако, невозможно оценивать в отрыве от египтологии мировой. Статья **И. А. Ладынина** посвящена участию крупнейшего российского египтолога В. С. Голенищева в исследовании найденной в районе Гермополя в 1919 г. гробницы жреца Петосириса. Этот частный сюжет позволяет оценить, насколько на Голенищева, сформировавшегося в качестве ученого (прежде всего филолога) уже на этапе специализации египтологических дисциплин в последней четверти XIX в., оказал влияние предшествующий этап развития египтологии, когда «фокусом», вбиравшим в себя все новые наработки археологических и письменных материалов, была реконструкция истории Египта. Зарисовки послереволюционной эпохи в жизни московского Музея изящных искусств представлены в статье **Е. А. Анохиной** и **О. В. Томашевич**. Ученые, работавшие в музее, оказались перед сложной проблемой сохранения вошедшей в его собрание коллекции египетских древностей В. С. Голенищева в условиях начавшейся разрухи: непростые взаимодействия с ведавшими сферой культуры инстанциями Советского государства предстают в переписке Т. Н. Бороздиной-Козьминой, непосредственно хранившей это собрание в Москве, с Б. А. Тураевым. В статье **А. А. Немировского** рассматривается своеобразный феномен преувеличения масштабов и эффективности завоеваний Египта времени XVIII династии (XVI–XIV вв. до н. э.) в советских общих работах и учебных изданиях 1930–1940-х годов под влиянием триумфального настроения самих египетских текстов. Порождаемый ими «египтоцентризм» сумел среди отечественных авторов первой половины XX в. отчасти скорректировать лишь Б. А. Тураев в трудах последнего десятилетия своей жизни.

Второй тематический блок переносит читателя в день сегодняшний, обращая его к актуальной социокультурной ситуации. Авторы статей, вошедших в рубрику «Тексты и практики эпохи пандемии», задаются вопросами о том, как пандемия COVID-19 — событие общемирового масштаба, без преувеличения позволяющее говорить о ддящемся без малого два года периоде как о настоящей эпохе, — изменила социальную реальность, повлияла на повседневные практики и спровоцировала появление текстов, вызывающих определенную политическую реакцию. **А. С. Архипова** и **Б. С. Пейгин** в совместной статье рассматривают борьбу со слухами и «фейковыми» новостями о коронавирусе в России, с одной стороны, в сфере правоприменения и, с другой, в рамках разоблачительных сетевых ресурсов, более или менее явно аффилированных с властью. Авторы демонстрируют, что главным объектом борьбы с «фейками» оказываются не столько псевдомедицинские сообщения (фактически несущие социальную угрозу), сколько тексты, ставящие под сомнение легитимность государственных институтов и доверие к ним со стороны социума. **А. А. Ожиганова** обращается к существующим в системе российского родовспоможения практикам недоверия к официальной информации о пандемии. Недоверие оказывается особой формой критического знания, при этом в его производстве участвуют не только пациенты (в данном случае пациентки), но и врачи, устанавливая таким образом доверительные отношения со своими подопечными. Предметом внимания **Д. А. Радченко** стала реакция российских верующих (преимущественно православных) на обусловленную эпидемиологическими мерами невозможность посещения пасхального богослужения: вместо личного присутствия мирянам предлагалось наблюдение за ним через теле-

визионную или интернет-трансляцию. Пересборка сакрального пространства, рефлексии об этой пересборке и ее стратегиях, конструирование верующими эффекта соприсутствия — лишь некоторые из проблем, затрагиваемые в статье. Религиозные практики, но на ином материале — афрокубинском — анализируются и в статье **Н. А. Маничкина**, рассматривающего приспособление синкретических культов (главным образом сантерии и пало) к ситуации пандемии. Предметом внимания автора становятся появление новых ритуалов, в том числе медиатизированных; наделение традиционных божеств-*ориши* функциями, связанными с защитой от коронавируса; адаптация этих культов к ситуации социальной изоляции; реакция духовных и культурных лидеров кубинских йоруба на властную политику по борьбе с пандемией, а также рефлексия адептов афрокубинских культов по поводу ритуального пространства.

Наряду с практиками социальными, в том числе религиозными, пандемия спровоцировала и новые речевые практики — например, появление множества языковых инноваций, актуализацию ряда уже существующих лексем, а также медиализацию дискурса. Эти процессы, по своей активности и многообразию сопоставимые с языковыми процессами послереволюционного периода и эпохи перестройки, стали предметом лексикографического и аналитического лингвистического осмысления в двухтомном издании Института лингвистических исследований РАН, которое освещается в этом номере в рецензии **Е. Н. Геккиной**.

Третья рубрика номера посвящена тому, как в некоторых областях гуманитарного знания осмысляются история покорения космоса и формирование сюжетов и образов космического прошлого, настоящего и будущего. Анализируя разнообразные источники — научные, научно-популярные и научно-фантастические тексты; фильмы, сериалы, плакаты и марки; повседневную и высокую моду; промышленный дизайн и художественные выставки, — авторы рубрики «Космос в медиакультуре» отвечают на вопросы о том, как формируется общественное мнение о целях науки и индустрий в области освоения космического пространства, а также о том, каким образом и в каких формах космос становится частью современной земной культуры.

В статье **Е. Г. Ним**, посвященной исследованию медийных образов комет, астероидов и метеоритов, поднимается ряд важных проблем, связанных с тем, как в формировании дискурса о столкновении малых небесных тел с Землей строятся отношения между журналистами и учеными, а также профессионалами и любителями. Автор изучает формирование этого дискурса в астрономии и роль научной фантастики в его происхождении и популяризации, а также показывает, что в эпоху Интернета, смартфонов и социальных сетей большую роль в создании космического медиасобытия играют личные медиатизированные свидетельства и переживания. Статья **А. С. Правдюк** посвящена временным экспозициям на темы космоса и космического, состоявшимся в первое двадцатилетие XXI в. в крупнейших музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Выделяя три цели этих выставок — ностальгическую, аналитическую и «реалистическую», — Правдюк тем не менее определяет ключевую стратегию художниц и художников как «эстетизацию памяти». Сосредоточенность на ностальгических сюжетах советской эпохи освоения космоса частично объясняет отсутствие в этих экспозициях тенденций, характерных для за-

рубежных художественных выставок, например элементов science art. Мифы о советских космонавтах перетекают в тему колонизации Луны, минуя космическое настоящее. Сюжет о «фрагментированной ностальгии» продолжает разворачиваться в статье **Е. А. Кулиничевой**, посвященной образам космоса и истории его освоения в современной российской streetwear-моды. Изображения на футболках, кроссовках и худи укрепляют связь современной иконографии космоса с советским каноном памяти и ограниченным кругом героев и образов отечественной космонавтики 1950–1960-х годов. В то же время интерес к историческим событиям, а не к актуальным космическим проектам — не только российский тренд, он характерен и для глобальной индустрии моды.

Темы космической моды и моды в космосе являются ключевыми и в двух материалах раздела «Дискуссии», подготовленных **Л. А. Алябьевой**. **Дж. Певит**, доклад которой лег в основу одного из этих материалов, рассматривает связи между модой, представлениями о теле, технологиями и космической гонкой. Вера в науку и комфортное технологизированное будущее парадоксальным образом соединились в дизайне послевоенных десятилетий с мотивами угрозы ядерной войны. Эти сюжеты легли в основу книги Певит «Страх и мода в годы холодной войны». Второй материал этой рубрики — интервью с британской исследовательницей космической моды **Б. Брауни**, две книги которой недавно переведены на русский язык. Барбара Брауни изучает подходы дизайнеров к разработке одежды, которую можно носить в условиях невесомости. Это направление моды особенно актуально сейчас, когда космический туризм из прожекта на наших глазах превращается в коммерческий проект. В рассказе о моде для космоса поднят целый ряд важных проблем, связанных с новыми состояниями тела и человеческими ощущениями в космическую эпоху, — с феноменологией невесомости.

К космической, вернее, космологической тематике обращаются и авторы статьи, составившей рубрику «Varia». Предметом внимания **А. А. Ерошенко** и **А. А. Кочекковского** становится ренессансная космология как предмет исследовательского интереса и «научный образ» в гуманитаристике XX — начала XXI в.

Наконец, в хроникальном разделе журнала представлен обзор работы Отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН: научные исследования сотрудников отдела, конференционная, издательская и выставочная деятельность (публикация **М. В. Станюкович** и **А. А. Янковской**).